

ПО ПЯТЬДЕСЯТ

По пятьдесят, по пятьдесят
И вот уже мне пятьдесят...
И многих нет давно ребят,
Которым было меньше...
По пятьдесят, по пятьдесят
Мы отвечаем невпопад,
Но нам вослед еще глядят
Глаза любимых нами женщин.
В мозгу такая чехарда...
Года, как талая вода,
Они уходят в никуда –
Туда, где вечно лето
Так наливай по пятьдесят,
Пока еще горит закат,
Пока деревья шелестят
И кружится планета.
Что вам сказать, мои друзья –
Вполне сложилась жизнь моя,
Повырастали сыновья
Внучок – подарок деду.
Я строил дом и сад сажил,
Причем, заметьте, не один!
Так что могу помимо рифм
Руками что-то делать.

Присядем за большим столом
Не раз по пятьдесят нальем,
Потом застольную споём,
Когда закончат тосты.
Спасибо всем, кто не забыл,
По жизни кто со мною плыл,
Кто радости и боль делил,
Учил смотреть на звёзды.

ЮБИЛЕЙНОЕ

Очень быстротечна жизнь у человека,
Не успел родиться – подводи итог.
На планете этой отмотал полвека,
А полвека – это всё ж не малый срок.

Я не стал богаче и не стал мудрее,
Хоть уже не молод, но ещё не стар.
Но не зря Тарковский написал Арсений:
«Мы – уста пространства», «времени уста».

Что ж, пускай полвека где-то за плечами
Бес ломает рёбра, с сединой виски.
Только, как и прежде, лунными ночами
Я общаюсь с Музой и пишу стихи.

Исключенья снова нахожу из правил –
Видел я всё это творчество в гробу!
Вот оно мне надо: текст черкать и править?
Только по-другому просто не могу.
Юбилей поэта, но ещё не старость.
Рано на списанье, рано на покой.
Может, для потомков я в стихах останусь,
Может быть, запомнюсь хоть одной строкой.

МОЁ ЛЕКАРСТВО

Хоть за спиной полвека, честно признаюсь вам –
Мне не нужна аптека, я не спешу к врачам.
Если тоска и скука, если накатит грусть –
Я посмотрю на внука
и улыбнусь.
Внуки – большое счастье, главная из побед!
В люльке сопит лекарство, и молодеет дед.
Будем читать мы сказки, пробовать будем мёд.
Счастье лежит в коляске,
спит
и во сне растёт
Пробует что-то делать, многое может сам.
Радость растёт для деда – противодепрессант.
Ноют спина и руки, разных проблем мешок...
Я посмотрю на внука –
мне хорошо.

ПРАБАБУШКЕ МАШЕ

Я в детсад не ходил и практически целый день проводил под присмотром прабабушки.
Помню, в зале стоял сундук, на стене висели с гирьками в форме еловых шишек – обычные ходики.
Прабабушка часто варила картошку «в мундирах», а ещё пекла мне блины и оладушки.
Каждый час из часов вылетала смешная кукушка и время прошедшее склёвывала.
А сундук был с висячим замком, я уверен был в том, что хранил он несметное множество тайн –
изнутри его крышка оклеена была красиво – обёртками мыла конца позапрошлого века.
Там в смертельном узле в уголке сундука дожидались, когда их оденут, красивое платье и шаль,
и лежала на стопке с постельным бельём в целлофане жилетка из лисьего рыжего меха...
У прабабушки из электроприборов был только утюг – ни телевизора, ни холодильника...
Семь рублей пенсионных даже по тем временам не такие огромные деньги.
Молоко и хамсу старушка позволить могла, да внучкам карамельки изредка,
но зато какие в подвале в кадушках стояли соленья, а в банках – варенья...
Взял горбушку, посыпал сахаром, сбрызнул колодезной чистой холодной водой,
или тот же хлеб за шестнадцать копеек, подсолив и приправив подсолнечным маслом –
этот с сахаром хлеб в детстве мне слаще казался халвы и конфет с пастилой,
хлеб с подсолнечным маслом и солью, казался вкуснее, чем теперь дорогие колбасы...
Возле дома в траве копошились петух и несколько пёстрых кур, да дремал старый пёс Трезор.
Отыскав червяка, подзывала, учила жизни выводок жёлтых комочков мамаша-квочка.
Помню куст георгин – он был выше меня, а ещё, то, что камнем был вымощен двор,
и вещала весь день напролёт под иконами радиоточка.
Так вот жили тогда, сколько зим пронеслось, сколько лет –
вырывает из детства картинки обрывисто память.
Нет Трезора давно, дома нет и прабабушки нет...
Нужно в церковь сходить и прабабушке свечку поставить.

СОЛДАТСКИМ ВДОВАМ

Беды и горя хлебнули вволю —
Война не травы, мужей косила...
Не нарекали на вдовьи доли
Ульяны, Марьи и Ефросиньи.

Другим расстелен душистый клевер,
Другим сверкали алмазом росы,
А им придётся пахать и сеять,
Растить детей, чтоб не голы босы.

И жарким летом и в холод зимний
Не ожидали небесной манны.
Страну отстроят — они ж двужилыны,
Так спокон веку впряглись и тянут.

Брось вдовьи годы считать, кукушка.
Избу не греет почётный вымпел...
Горчит судьба, солона подушка,
Но только это ж никто не видит.

Побеги даст молодая поросль,
А вы уйдёте за дали сини...
Отчизны скрепы, России гордость —
Ульяны, Марьи и Ефросиньи.

МОЕМУ ДОНБАССУ

Я в думках порою парю над полями вздремнувшей Отчизны,
Читаю страницы минувших великих времён.
Не раз сотрясали Отчизну мою катаклизмы,
Сменялись рассвет и крушение различных племён и знамён.
Родная земля, ты историей древней богата,
Я черпаю силы свои у родимой донецкой земли.
Казалось, недавно в степи проскакали сарматы,
Исчезли вдаль, лишь примяли слегка ковыли.
А жизнь расстилалась дорогой – холмы да ухабы,
Мелькали повозки, столетья сгорали в огне...
Остались потомкам в степи половецкие бабы.
Лишь бабы навечно застыли здесь, окаменев.
Хоть предкам досталась суровая ратная доля,
Район приграничный – он служит исправно щитом.
Расскажет об этом бескрайнее Дикое поле,
Приручат славяне и Дикое поле потом.
С тех пор революций и войн проходило немало,
Народ не роптал, выживал, затянув поясок.
Планетой шагала эпоха угля и металла –
Был жизненно важен, добытый у нас уголёк.
Давно ли гремели в стране трудовые рекорды?
Награды в семейных архивах забыть не дадут!
Недаром считались рабочей элитой шахтёры
И тосты звучали: «За честность! За доблестный труд!»
Донбасс мой родной, это дивное счастье – родиться
В краю, где копры терриконов небес достают!
Красоты твои пусть раскроют в холстах живописцы,
Величье твоё нам поэты ещё воспоют.
Характер Донбасский и эти строптивые гены
Позволят и дальше потомкам наш край развивать.
Никто никогда не поставит Донбасс на колени.
Тому, кто не жил здесь, возможно, меня не понять.

КРЕСТИК

Чем удивить нас, каким безобразным пиаром,
Новым скандалом и церковью новою поместной?
Всё повторяется – скачут в степи янычары,
В пламени книги сгорают в столице у лобного места.
Вирус в умах помутневших лазейки находит,
Прыгают черти, и чудится смех сатаны.
Ящик страшает: «Теперь положение вводят».
Не поздновато ли к пятому году войны?
Слава героям! Дурная какая-то слава...
Множатся слухи и множество новых проблем.
Снова погромы скрывает лицо балаклава,
Средневековье вернулось, вернулась охота на ведьм.
Скоро в промышленном плане обгонят Заир и Уганда,
Но по количеству мин пусть весь мир позавидуют нам.
Не замолкает повсюду весь день и всю ночь пропаганда –
Слушают люди и просто не верят глазам.
Дружно кричат здесь: «Распни!», – становясь палачами,
Нас распинают, боясь, что мы можем воскреснуть.
Всё продаётся... Торгует тюремщик ключами...
Живы пока что – спасает под свитером крестик...